

РАЗНОВИДНОСТИ МИФОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.САНГИ

РОГОЗИННИКОВА Нина Германовна

старший преподаватель кафедры русского языкознания

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

г. Ташкент, Узбекистан

Произведения известного нивхского писателя В.М. Санги исследовались с литературоведческих позиций. Имена собственные, и в частности мифонимы в его произведениях не подвергались лингвистическому анализу. В данной статье произведена типология разновидностей мифонимов и описаны способы введения их в художественный текст. Результаты продемонстрировали своеобразие нивхских фольклорных образов и необходимость их типизации.

Ключевые слова. Нивхский фольклор, мифоним, мифоантропоним, мифоперсоним, мифотопоним, мифофитоним.

Владимир Михайлович Санги – известный писатель, основоположник нивхской литературы. Большую часть своей жизни он посвятил собиранию и сохранению нивхского фольклора. Исследователи считают, что фольклор и мифологические образы, сохраняя древние представления о мире, не утратили своей уникальной роли и в современной жизни малых народов Севера и Дальнего Востока.

Ю.Г. Хазанкович отмечает, что «у народов Севера мифология – не столько мир прообразов, сколько образ жизни. Мифология как ступень сознания не изжила себя у них» [6, с. 8].

С.Д. Малзурова также считает, что «у коренных народов Севера и в настоящее время отмечается естественное и преобладающее бытование мифологии и фольклора, поэтому обращение к фольклору писателей-северян продиктовано

тем, что фольклор является одним из активных способов не только художественного, но и бытового мышления [3, с. 5].

Говоря о представителях младописьменных литератур Севера России, О.К. Лагунова пишет: «...От них ждали национальных проявлений духовной жизни, от них ждали опоры на неизвестную толщу специфической народной культуры, им не надо было преодолевать связь со своим народом, наоборот, они должны были в сфере своего (по типу модернистского, индивидуального) сознания обнаружить потенции общезначимого опыта малого народа, воплотить их в слове и презентовать всему миру» [2, с. 178].

В своих работах В.М. Гацак также отмечает, что «вопрос о значимости фольклора для литературного процесса и вообще для современного человека самой реальностью преобразуется в вопрос об эстетических, духовных, нравственных ресурсах и ценности народно-поэтического наследия» [1, с. 11].

Делом всей своей жизни В. Санги считал сохранение исчезающего под воздействием новых социальных реалий фольклорно-мифологического богатства своего народа. Он еще застал последних хранителей древней традиции устной передачи фольклорных произведений и называл их «избранниками богов». В рассказе «Общение с избранниками богов» он знакомит читателя с фольклорными жанрами, наиболее популярными среди нивхов Сахалина. «Исторические и родовые предания *тылгур*, многоплановые эпические песни *настур* (*настунд*) занимают центральное место в богатейшем нивхском фольклоре» [5, с. 60]. Автор, вводя незнакомые русскоязычному читателю лексемы, подробно раскрывает не только содержание данных жанров, но и описывает манеру их исполнения известными сказителями. «И Вевук, и Куги, и Пулкун, и, наконец, Хыткук – исполняли пением и речитативом древненивхские настур (*настунд*) – длинные (на всю ночь, а некоторые и с продолжениями) эпические песни-поэмы» [5, с. 60]. И да-

лее: «по строжайше соблюдаемому нивхами-сказителями правилу *тылгук* (пересказчик тылгур) не может «сочинять от себя», иначе на язык нарушителя табу сядет злой дух» [5, с. 61].

Их древность подтверждается глубиной исторической памяти, отраженной в сюжетах и героях легенд. Сам писатель отмечает: «Их песни-поэмы и есть генетически очень древний вид героического эпоса, они повествуют о жизни и деяниях людей моего племени со времен человека Ых-мифа, явившегося в пределы действия эпоса после небывалого море-, землетрясения и мирового катаклизма» [5, с. 60 – 61].

Данные фольклорные тексты были художественно обработаны В.Санги, что во многом способствовало популяризации нивхского эпоса. Древние мифы и легенды наполнены различными мифологическими существами и реалиями – мифонимами.

Термин «мифоним» определяется в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской следующим образом: «Мифоним (мифологическое имя собст.) – Имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпопеях, сказках, былинах» [4, с. 83]. Классификацию мифонимов Н.В. Подольской мы положим в основу анализа мифонимов в произведениях В.Санги фольклорной тематики.

Так, одним из разделов данного ономастического поля являются мифоантропонимы. «Мифоантропоним – ИС человеческого существа в мифах, былинах...которое человек представляет себе как реально существующее» [4, с. 84]. В анализируемых произведениях встречаются такие боги, которые имеют собственные имена, хотя их очень мало. «Это не просто Заяц и Белка! – / Вот что подумал Старший брат. – / Это посланцы бога *Тайхнада* – / Видно, недаром они кричат!» [5, с. 65]. И хотя в тексте легенды не поясняется непосредственно, что это за божество, контекст позволяет сделать выводы о его «всемогуществе», поскольку его посланцы (Заяц и Белка) вершат судьбы всех земных существ: не

только животных и птиц, но и человека наравне с ними. Тайхнад – покровитель всего живого на земле, но особо он выделяет человека, одаривает его бесценными дарами: например, *кысом* («Кыс – счастье, даруемое за безупречную жизнь», – поясняет автор в постраничной сноске [5, с. 184]). «В родовые жилища Тайхнад присылает дары — / Наделенные кысом* мужчины в семействах растут. / Чьи сердца без изъяна, а мысли чисты и добры» [5, с. 184].

Жизнь сахалинских нивхов непосредственно связана с морем, морским промыслом. Ведь на острове, окруженном водой, именно морские обитатели являются объектом добычи. Это нерпа, акиба, лахтак, таймень, навага и др. В связи с этим повелитель морской стихии особо почитаем островным народом: «С мудрым *Тол-ызнгом* – / всеильным хозяином моря –/ Люди Ыхмифа водили особую дружбу» [5, с. 73].

Большинство мифологических персонажей, которых можно отнести к нивхской демонологии, не имеют личных имен в силу своей многочисленности. Тем не менее, считаем, что к данному классу мифических существ можно применить термин «мифоперсоним». В словаре Н.В. Подольской дается следующее толкование: «мифоперсоним – ИС персонажа, действующего в мифах, былинах и сказках» [4, с. 84]. В нивхском фольклоре это в основном злобные, враждебные человеку демоны: «К бедам – другая беда, к лихолетию – лихо. / Злобные *милки** напали на небо простое: / *Уньршки*-мужчины в горах поселились, на суше, Женщины-*вегрши* обсели морские утесы. [5, с. 74]. В постраничной сноске автор поясняет: «*Милки – в нивхской мифологии носители злого начала, злые духи; уньршки – могущественные злые духи, вегрши – злые духи – женщины» [5, с. 74]. Далее в текстах постепенно раскрывается вся злобная сущность данных демонических сил.

Все они людоеды, что неоднократно упоминается в произведениях по отношению ко всем названным существам. «До человеческого мяса охочи от веку, /

Милки людей изнуряли печалью и страхом...» [5, с. 74]; «– Это мальчишка – от-родье милка. / Хитрых затей у них призайма-ка! / Враг нас не зря приманил жи-лицем. / Станем все трое для милков пищей» [5, с. 76]; «Только однажды в тораф вбежали / *Вегрши* – зубастые людоедки» [5, с. 78]; «Как бы тебя не слопали вегрши», – / В страхе подумал хозяин старший» [5, с. 180]; «Кто мой обидчик? Милк-людоед» [5, с. 125]; «Скоро смола стечет, как вода. / Вытащат *уньршки* меня тогда. / Тело мое по частям сожрут, / Голову дереву отдадут» [5, с. 131].

Все они крадут людей со своими темными целями: либо используют их в пищу, либо делают своими рабами, отнимая у них память о прежней жизни и родственниках, делая их подобными себе – жестокими и злыми. «Рек человек им: – Злодеи уньршки / Вас в несмышленном украли детстве. / Милку-шаману с тех пор послушны, / Окаменели вы оба сердцем» [5, с. 136]; «А судьба моя – с милком драться, / Что злодейски похитил братца!» [5, с. 102]; « Помнится, в край Бхмифа / Весть донеслась когда-то: / У молодого нивха / Уньршки украли брата» [5, с. 119]; «Где пропадает мой старший брат? / Милк уволок его, говорят. / Куда запропала моя сестра? / Косточки видели у костра. / В брюхе у милков моя родня» [5, с. 131]; «Наш род был людьми богат. / Но как-то средь бела дня / На солнце уснул мой брат — / И милк утащил меня. / Он цепью меня связал, / На праздник созвал гостей, / И каждый мясо сгрызал / С моих молодых костей» [5, с. 133].

Описывается и внешний облик этих мифических существ, схожий с образом Змея-Горыныча из русских сказок или с образом Дракона из сказок восточных. «Смотрит: у милков голов по паре / И только двое одноголовы. / Вот они, люди, которых с детства / Учит шаман науке жестокой!» [5, с. 134]; «Семиголовый милк поселился» [5, с. 81]; «Милк-шаман, злодей семиглавый, / Приготовил им пир на славу. / Он камлает голосом грубым. / Он трясет бесноватым бубном» [5, с.130].

Они громогласны («Слишком уж громко пели-кричали / Над колыбелькою вегрши-ведьмы» [5, с. 81]) и зловонны, что относит их к миру мертвых («Вот они, три зловонные вегрши!» [5, с. 80]). Они обладают невероятной силой, так что люди боятся вступать с ними в бой. «Будь, родной, осторожен. / С уньршками трудно биться» [5, с. 124]; «Нивх убоялся боя / С уньршками, и за это / Хохотом все живое / Гнало его со света» [5, с. 119]. Но и сами они боятся силы главного их них – милка-шамана: «Вегрши затылки скребут когтями, / С милком-шаманом не смеют биться...» [5, с. 82].

Мифические предметы, традиционно выполняющие роль «помощников» в сказках разных народов, не вошли в классификацию Н.В. Подольской. Считаем, что по отношению к ним можно использовать условный термин «мифопрагматимы» как «имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, предметной деятельностью» [4, с. 110]. В анализируемых текстах это, например, деревянный амулет – *муёк*. Повествуется о целях и способе его изготовления: «Да и разжился с ходу / Пихтовой куклой старой. / Родственницу-старушку / Кукла изображала. / – Здравствуй, муёк-игрушка, – / Ласково ей сказал он. / – Острым ножом рыбацким / Сделал тебя отец мой, / Чтобы меня и братца / ты опекала в детстве» [5, с. 123].

Мифическое пространство, «четвертое небо», куда возносятся умершие, по верованиям нивхов, и обретают там покой и благополучие, также упомянуто в произведениях – *млых*. Можно обозначить его термином «мифотопоним», но условно, поскольку оно номинировано апеллятивом. «И прошлой зимой / Вознесся во млых / От нас от двоих...» [5, с. 152]; «Чем нищему защитится? / Во млых отыскать бы дверцу / Да к предкам богатым скрыться!» [5, с. 173]; «Лодки давненько той не видали. / И хоть подробно искали трое – / Не было умницы на Ыхмифе. / Видно, понадобилась во млыхе / Предку, который ее построил» [5, с. 179].

Мифологическое природное пространство в анализируемых произведениях представлено в основном названиями растений. Это, например, мифофитоним *павнус*: «Есть у меня в закромах семена золотые, / Произрастет из них павнус – трава золотая. / Если взрастет она рядом с жилищем героя – / Смело зови его нашей земли Человеком» [5, с. 93]; «– Э, – говорит он, – на небе здешнем / Солнечный павнус боги взрастили, / Так неужели ж не оснастили / Нужною утварью млых безгрешный?» [5, с. 137]. Еще один пример – *чунь-деревья* («*Чунь-деревья (или чу ни) – сказочные злые деревья» – поясняет В. Санги в постраничной сноске). Эти мифические деревья сухие, на каждом сучке у них по когтю, на которых висят человеческие головы: «И отправился наудачу / К головам, что на чунях плачут» [5, с. 132]; «С корнем вырвал деревья-чуни, / Чтобы сгнили, дождем побиты» [5, с. 134]. Из других природных реалий можно упомянуть зоонимы: *утка лувр* («В те времена лишь утка лувр* / Скользила по волнам. * Утка лувр – широконосая кряква [5, с. 60]) и *бабочка лаги-кукл* («И на лоб Человека взмокший / Сел, шурша, лаги-кукл продрогший – / Вестник рунного хода кеты. / Золотая бабочка лета» [5, с. 103]). Все они участвуют в организации сюжета, существуют и взаимодействуют с другими мифическими персонажами.

Таким образом, «... использование средств фольклорной поэтики ... дает возможность их типологизации, особенно при анализе ... фольклорных образов и мифологических сюжетов» [3, с. 3] в произведениях В. Санги. Культуремы, обозначающие нивхские мифологические реалии, различные разновидности мифонимов, способствуют погружению читателя в неповторимый мир своеобразной национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гацук В.М. Фольклорное наследие народов СССР – достояние новой социальной и интернациональной общности // Фольклорное наследие народов СССР и современность. – Кишинев, 1984 – С. 6–13.

2. *Лагунова О.К.* Феномен социалистического реализма и пути изучения младописьменных литератур Севера России последней трети XX века // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 174-182.

3. *Малзурова С.Д.* Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-80 гг. XX века: автореф. дис канд. филолог. наук. – Улан-Удэ, 2015. – 26 с.

4. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

5. *Санги В.* Избранные произведения в двух томах. Т. II. Рассказы, сказки, стихи, поэмы, публицистика. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2000. – 285 с.

6. *Хазанкович Ю.Г.* Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2009. – 129 с.

TYPES OF MYTHONYMS IN THE WORKS OF V. SANGI

ROGOZINNIKOVA Nina Germanovna

Senior Lecturer, Department of Russian Linguistics

Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

Tashkent, Uzbekistan

The works of the renowned Nivkh writer V.M. Sangi were studied from a literary perspective. Proper names, and particularly mythonyms, in his works were not subjected to linguistic analysis. This article provides a typology of mythonym varieties and describes methods for introducing them into literary texts. The results demonstrated the uniqueness of Nivkh folklore images and the need to classify them.

Keywords: Nivkh folklore, mythonym, mythoanthroponym, mythopersononym, mythoponym, mythophytonym.